

УДК 821.161.1

**«ГОРИТ РОССИЯ!..» О «ВОЗВРАЩЕННОЙ» ПУБЛИЦИСТИКЕ
И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА*****П. С. Громова, Н. Р. Косоурова**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье впервые вводятся в научный оборот некоторые произведения И. С. Соколова-Микитова, по идеологическим причинам скрытые от современников писателя и недоступные в первые десятилетия после советской власти. Особое внимание исследователи уделили публицистике 1917–1921 годов, которая дополняет картину военной прозы и произведений Соколова-Микитова о деревне и проясняет особенности его творческого метода в части использования источников и работы с чужими текстами.

Ключевые слова: *Соколов-Микитов, публицистика, очерк, литература о деревне, военная проза.*

Несмотря на то, что писательское мастерство И. С. Соколова-Микитова, его талант и глубоко вдумчивое отношение к языку безоговорочно признавались современниками, художественный мир и творческая эволюция писателя преподносились читателю советской критикой и литературоведением очень упрощенно, выхолощено. «Так же как малая родина смоленских лесов со временем уступила место в творчестве писателя большой Родине всего советского мира, так и человек-созерцатель, поэт природы, начинает отходить в книгах И. Соколова-Микитова на второй план перед лицом человека – преобразователя природы», – писал Константин Федин в литературно-критическом эссе, не раз печатавшемся в качестве вступительной статьи к изданиям произведений Соколова-Микитова [9, с. 13]. «Особенность его писательского дара заключается в том, что автор ничего не выдумывает, не изобретает, не ищет сложных сюжетных построений, а непосредственно входит в течение жизни, говорит о том, что было на самом деле, повествует о людях и событиях, действительно существовавших или существующих», – писал Всеволод Рождественский в так же неоднократно опубликованной статье [5, с. 24]. Зачастую умалчивалось о попытках Соколова-Микитова осмыслить социальные проблемы современной ему России и о нравственной проблематике его произведений.

Такая позиция была обусловлена идеологическим диктатом в области литературы, который определил не только ракурс освещения творчества Соколова-Микитова, но и репертуар издаваемых произведений писателя. В то время как повести «Детство» и «Елень», рассказы, очерки и детская проза выходили многотысячными тиражами, другие его произведения, такие как повесть «Чижикова лавра», оставались неизвестными широкому кругу читателей. Кроме того, часть литературного наследия, а именно созданная в 1917–1921 годах публицистика Соколова-Микитова и его неоконченные произведения 1920-х годов, была вовсе вычеркнута из биогра-

* Выполнено в рамках проекта РФФИ № 16-34-01071 «Литературное наследие И. С. Соколова-Микитова: проблемы художественного метода и творческой эволюции».

фии писателя – не публиковалась и не становилась объектом литературоведческих исследований. Впервые эти произведения увидели свет сравнительно недавно, в трехтомном собрании сочинений И. С. Соколова-Микитова, вышедшем в свет в 2006 году [8], а также в изданной в 2010 году книге «Возвращение» [6]. Они не исследовались до сих пор. Между тем специальное изучение этого материала и его интеграция в идейный и жанрово-стилистический контекст всей прозы Соколова-Микитова позволят, наконец, увидеть полную картину творчества писателя в ее целостности и динамике, а также проследить формирование его жизненной и литературной позиции, которое, как выясняется, было куда более сложным и драматичным, чем принято считать.

Впервые увидевшие свет ранние произведения Соколова-Микитова в трехтомном собрании сочинений объединены в разделе «Из неопубликованного» [8]. В книге «Возвращение» они цитируются по предыдущему изданию, но представлены уже двумя блоками – «Публицистика 1917–1921 гг.» (довольно большой корпус текстов) и «Отрывки из неоконченных произведений 1919–1920 гг.» (сюда помещены главы из недописанной повести о Севастополе и лирико-философская миниатюра «Дороги», сохранившийся набросок к ненаписанному роману «Прорва»). Их дополняют три впервые публикуемые рассказа Соколова-Микитова о Великой Отечественной войне.

Произведения, включенные в раздел «Публицистика 1917–1921 гг.», действительно, впервые публиковались именно в газетной периодике и уже демонстрируют особенности стиля Соколова-Микитова, в котором очень сильно публицистическое начало. В частности, события, положенные в основу произведений, излагаются конспективно и со стремлением к объективности. Как правило, вербализованная оценка описываемого отсутствует, однако сам выбор материала и ракурс его освещения все-таки позволяют говорить о наличии авторской позиции, о глубоко неравнодушном отношении писателя к происходящему. При этом особое значение приобретают точные, символические детали. Например, автор склоняется к тому, чтобы обобщить место и время описываемых событий. Это уже не Россия, которую он знал и любил, поэтому в рассматриваемых произведениях встречаем множество вариантов. В первую очередь это «горящая Россия» 1917 года, закономерно превращающаяся в «великое пожарище». Далее, очевидно, возникла необходимость подобрать эвфемизм для нового официального названия страны. Соколов-Микитов колеблется между вариантами: «Совроссия» и «Совдепия» (вариант – «великорусская деревенская совдепия», со строчной буквы). Автор отмечает, что уже есть некая общность новых людей: «Кто долго жил в Совдепии, наблюдал и присматривался» и, по-видимому, разобрался с укладом новой жизни. Прежде всего этот уклад заключается в переработке, «переиначивании» на свой лад всех директив и посулов новой власти.

К публицистике восходит и лексическая эклектика текстов Соколова-Микитова. Однако в то же время в его произведениях наблюдается отношение к речи как к предмету изображения, прежде всего к речи народной с ее богатством, разнообразием и выразительностью, за сохранение которых так ратовал писатель на протяжении всей жизни.

Большую часть упомянутых произведений можно так или иначе отнести к жанру очерка. Это очерки с редуцированным сюжетом или основанные на сюжетных эпизодах: «Смута», «Красные помещики», «Легенды», «В деревне», «Великое пожарище», «Мать-земля», «Коленопреклоненные», «В чем их сила», «Охранная

грамота». Основная проблематика их – бедствие, которым обернулась революция для русской деревни, и молчаливый, но настойчивый протест народа против новой власти. Рефреном звучит мысль о том, что повсюду воровство, самоуправство, безграмотность и бескультурие. Детальное, проникнутое сожалением и любовью изображение деревни позволяет поставить эти произведения в один ряд с текстами, которые неоднократно публиковались в сборниках Соколова-Микитова и благодаря этому находились в центре внимания исследователей. Прежде всего это рассказы о деревне из сборников «На теплой земле» и «На речке Невестнице». А проблематикой бедствия очерки перекликаются с остальными произведениями этого периода, относящимися к другим жанрам. Так, «С тумбы», «Крик», «Вы повинны» представляют собой лирические миниатюры-манифесты, посвященные переживаниям за судьбу России. Общим заголовком «Исподнее» объединены три сюжетных зарисовки, изобличающие жестокость послереволюционного времени и, главным образом, людей, пришедших к власти: «Я посмотрел на черного человека с бантом, убившего беременную женщину, и узнал: недавно в цирке он говорил перед многотысячной толпой, и толпа вынесла его на руках. Теперь он ехал во дворец делать доклад, и лицо его было непоколебимо: он обдумывал» (в данном случае слово *убил* употреблено И. С. Соколовым-Микитовым в значении «сильно ударил», характерном для крестьянской речи начала XX в.). Не случайно упоминание огромного красного банта, являющегося знаком принадлежности к большевистской партии, а также места, где состоялось выступление. В эссе «Великое пожарище» в назидание пришедшим к власти «ублюдкам» будет сказано о судьбе Лжедмитрия, над телом которого глумились после смерти. «Маска, дудка и волянка... – должны запомнить нынешние создавшие кровавый всероссийский балаган», – пишет Соколов-Микитов [Там же, с. 49].

В этот период Соколов-Микитов создавал и публиковал много произведений на военную тематику. В сборниках разных лет широко представлены рассказы 1915–1920 годов о буднях санитарного отряда («Здесь и там», «С носилками») и военной авиации («Глебушка», «На воздушном корабле»), о проблемах тыла («Безлюдье», «Концов ищут»), о творческих порывах человека в мрачных условиях военного времени («Шепот цветов», «Поэт и серый кот»). Читатель привык, что в них нет кровавых деталей и хоть сколько-нибудь противоречивой оценки происходящего. Однако в публицистике того же времени обнаруживается взгляд на военных как на убийц и разбойников («Коленопреклоненные») и даже горький вывод о победе в конечном итоге немцев над погрязшим в междоусобице народом («Горящая Россия»). По очеркам Соколова-Микитова этого периода можно проследить, как контрреволюционные высказывания вытесняются высказываниями общей пацифистской направленности: «Ежели теперь спросить у трудового русского человека, два года несущего гнет «пролетарской диктатуры»:

– Чего же хочешь ты прежде всего? – он искренне ответит:

– Я откажусь от посуленной земли, которую теперь нечем запахать и засеять, от «свободы», которая оказалась разбоем и пропадом, от «власти трудящихся», которая стала произволом архаровцев и привела к смертной голодухе и нескончаемой войне. Мне нужно одно: мир. Дайте мне мир! – надрывно скажет трудовой русский человек, ударив себя в грудь и став на колени» [6, с. 58–59]. Именно поэтому тематика рассматриваемых очерков не ограничивается «опорными» точками военной прозы Соколова-Микитова, а расширяется за счёт описания неудачной мобилизации и множества примеров дезертирства.

Действительность времен гражданской войны и первых лет советской власти изображается негативно. Перед читателем проходит целая галерея уродливых портретов «горланов», «архаровцев» и «революционных мясников», присвоивших власть над недалеким в политических вопросах народом. В этом обличении Соколов-Микитов не знает компромисса: «Вглядитесь в портрет верховного вдохновителя большевизма – сытость, хитренькая круглота и беспредельное самодовольство, – три психологических стержня, на которые прочно насажен российский большевизм» [8, с. 52–53]. Полны едкой злобы и «политические сказочки» Соколова-Микитова этого периода – «Съели» и «Налим». Даже в единственном написанном в это же время юмористическом очерке «Медынь», свидетельствующем о стремлении Соколова-Микитова освоить и эту область, юмор вытесняет жесткая сатира, когда повествование о «стародавних» временах сменяется изображением современности. Лишь в одном очерке («В чем их сила») писатель признается, что новая власть принесла перемены, к которым уже привыкли, и люди не хотели бы возвращаться к прежнему. Но перемены эти кажутся незначительными по сравнению с подрывом самих основ народной жизни. Есть и более существенное противоречие в изображении русской действительности этого периода. Деревня представляется двойственной: неграмотной, разоренной, угнетенной, но в то же время являющей собой тихую, но могучую силу («В деревне»). Неоднократно и с чувством глубокого удовлетворения Соколов-Микитов подмечает, как возвращаются к земле и мирному труду бывшие солдаты, в том числе дезертировавшие, и те, кто еще несколько лет назад «с крылец» кричал о революции и власти пролетариата.

Исследователи приходят к выводу, что проза о деревне начала XX века имеет три тематических «ядра»: дореволюционная деревня, гражданская война, гибель патриархальной деревни [1]. Соколов-Микитов прослеживает переход деревни из одной ипостаси в другую, чувствуется его потребность объединить (а значит, объяснить) происходящие вокруг безумные, противоречивые события в единую хронологию. Такие попытки предпринимаются в очерках «Коленопреклоненные», «В чем их сила», «Великое пожарище» и нагляднее всего удаются тогда, когда писатель использует в качестве модели всей России местечко Медынь в одноименном очерке. В этих произведениях можно, не погружаясь в водоворот частных сюжетов, проследить, как торжествующая на первых порах деревня погружается в растерянность и подозрительность вплоть до вражды, а затем преклоняет колени, то есть смиряется в христианском смысле.

В рассказах и очерках, созданных позднее, в 1920-х годах, пессимизм пореволюционных лет Соколовым-Микитовым преодолевается. Например, в рассказе «Пыль» автором изображается благополучная, сытая пореволюционная деревня (колосья ячменя аж «черные» от тучности). Крестьянская жизнь идет своим чередом, в ней есть место не только труду и веселью, но и пьянству и злобе, но это уже мирная, а значит, в целом, благополучная жизнь. Даже судьба сына разоренного помещика на фоне этой жизни не выглядит драматично. А в дальнейшем Соколов-Микитов будет представляться советскому читателю писателем и вовсе вполне «благонадежным».

Позиция Соколова-Микитова относительно советской власти формировалась постепенно. Революцию он встретил как человек, не понаслышке знакомый с ситуацией на фронтах Первой мировой и в тылу. Первое время писательский долг побуждал его собирать материал на малой родине, а уже в 1919 году писатель в составе продовольственной делегации отправился по маршруту Смоленск – Киев – Смоленск и получил возможность взглянуть на происходящее со стороны. В резуль-

тате получилось противопоставление «советской» России и «сытого» юга, которому, с его «искренним» большевизмом, автор желает скорее переболеть этой болезнью и избавиться от иллюзий. Так появилась часть произведений для публикации в «белой» периодике. Кроме того, можно говорить о влиянии ближайшего окружения Соколова-Микитова в период его вынужденной эмиграции в 1921–1922 годах, настроенного по отношению к советской власти или скептически, или негативно. В дальнейшем, со сменой круга общения, меняется и позиция писателя.

Но главная причина подобных перемен в мировоззрении заключалась, как нам представляется, в природе сознания самого Соколова-Микитова. Выросший в среде русского крестьянства, в семье с патриархальными устоями, писатель не мыслил категориями личного интереса. На протяжении всей жизни он ощущал себя частью человеческой общности, «мира», в котором коллективный интерес всегда преобладает над личным. Соколов-Микитов, за недостаточную идеологизированность и политическую неангажированность в 1920–1930-е годы отнесенный пропартийной литературной критикой к числу «попутчиков», не относился к тем, кто был готов бездумно пропагандировать новый режим – к числу тех самых «горла-нов», о которых писатель неоднократно резко высказывается в своих ранних очерках. Вместо этого он старался уловить, куда, в какую сторону движется сам «мир», и, проникаясь его настроениями, двигаясь вместе с ним, говорить о его простых радостях и насущных проблемах, о самой жизни людей.

Возможно, этим отчасти обусловлена и та публицистичность, отстраненность, с которой Соколов-Микитов ведет повествование, которая вовсе не означает равнодушие к изображаемому. Ведь, как известно, в традиционном искусстве, в народном творчестве личностное начало редуцировано, превалирует начало коллективное. Вместе с тем «мир» для Соколова-Микитова не безликая масса, как понимала народ новая советская власть. Писатель создает множество ярких, достоверных, харизматичных портретов простых людей, с которыми ему довелось видеться и общаться, и тем самым утверждает, что за каждым фактом жизни общества стоят живые, настоящие люди.

В общем ряду произведений 1917–1921 годов выделяются «Горящая Россия» – обзор писем, приходивших в Думу, с комментариями Соколова-Микитова, написанный по рекомендации А. М. Горького для газеты «Вольность», и развернутое эссе «Великое пожарище». Обращение к документу, дословное цитирование источника в целом характерно для творчества Соколова-Микитова. Например, в повести «Спасание корабля» приводится телеграмма, полученная от Горького, а в мемуарных очерках и статьях из цикла «Давние встречи» обильно цитируются письма и другие личные документы людей, с которыми Соколов-Микитов был знаком, а также письма и дневники русских писателей XIX в., в частности, И. С. Тургенева. Эта особенность творчества Соколова-Микитова сформировалась именно в ранней прозе, и два упомянутых произведения позволяют проследить освоение писателем приема цитирования.

В «Горящей России» с первых же строк автор признает сложность поставленной перед ним задачи: «По письмам, лежащим сейчас передо мною, нелегко изобразить зыбкую линию хода революции, думаю, невозможно. Слишком неодинаково понимали люди смену событий. В письмах слишком много субъективного» [8, с. 23]. Письма с мест иллюстрируют тенденцию раскола в обществе. Город противопоставляется деревне, забота о мировом Интернационале – попыткам выжить в пропитанной враждебностью среде. Тем не менее, писателю все-таки удается вы-

делить основной вектор народных стремлений: «Земли! Земли! – проносится над горячей Россией». Кроме того, он четко формулирует общую для города и для деревни беду: «Открылась беда, страшнее всякого голода, мора и проказы, – безлюдье. – Нет людей! – вопят в письмах». «Безлюдье» (одноименный очерк вышел в том же году в газете «Воля народа») особенно актуализировалось в языке и в литературе к 1917 году (именно это значение встречаем у многих современников, от мемуаров В. П. Аничкова до поэзии В. В. Маяковского).

Перед нами письма людей разного положения и с разными взглядами на мир, среди названных корреспондентов восемнадцатилетний юнкер, делегат съезда, деревенская портниха... Для автора важно, что люди не разорвали связь с природой, связь эта вольно или невольно подчеркивается в этом очерке и других публицистических материалах. В России общественные настроения в некоторой степени подчиняются традиционному укладу: молодости свойственен оптимизм, весной больше веры, чем осенью, и т. д. Однако общий тон повествования, подчеркнутый символической пламени, оказывается трагическим: «Горит Россия! – вот смысл и содержание огромного большинства писем, – горит Россия, голодная в своих бескрайних полях, убитая, темная, обманутая, стосковавшаяся по миру, и не мир – кровь, насилие, запродажность оплели ее красным: “горит!”» [Там же]. Обильное цитирование, подразумеваемое самим жанром произведения, служит также и для утверждения авторской позиции: такой власти, такому порядку не место на Руси.

В эссе «Великое пожарище» цитирование выполняет иную задачу. Обращаясь к «Повести временных лет», записям патриарха Гермогена, «декретам» Емельяна Пугачева и свидетельствам побывавших в России иностранцев, Соколов-Микитов воссоздает образ повторяющейся истории, непрерывности исторического процесса. Автор подводит читателя к мысли о необходимости извлечения из истории уроков и более глубокого понимания общественно-политических процессов, необходимости более вдумчивой оценки их перспектив.

Кроме того, здесь обнажается эпическое начало творчества самого Соколова-Микитова, которое позднее проявится и в стремлении компоновать малую прозу в сложные, многоплановые циклы, и в попытках создания крупных сюжетных произведений. Соколова-Микитова, как когда-то и Чехова, литературные критики упрекали в том, что он не написал романа. Однако теперь нам известно о замысле еще как минимум двух крупных произведений – повести о Севастополе и романа о пореволюционной деревне. Таким образом, мы все же можем говорить о стремлении Соколова-Микитова к охвату в своем творчестве значительных исторических событий и периодов. В пользу масштабности писательского мышления говорит и содержание ряда других произведений. Небольшое эссе «Могу и смогу», относящееся к этому же периоду, посвящено русскому языку и его исторической судьбе. В глубоко лирическом стихотворении в прозе «Вой», по неизвестной причине помещенном в цикл «политических сказочек», и в отрывке «Дороги» из ненаписанного романа «Прорва» Соколов-Микитов окидывает взглядом всю русскую историю и историю самой человеческой цивилизации. Писатель стремится осмыслить место человека на земле и выразить всю трагичность человеческого существования. Эта универсальная проблематика так или иначе будет присутствовать во всех последующих произведениях Соколова-Микитова и особенно полно воплотится в его позднем лирико-философском цикле миниатюр «Из записных книжек».

Таким образом, процесс возвращения русской литературы, начавшийся и наиболее интенсивно проходивший в 1990-е годы, еще продолжается. Возвращен-

ные читателю произведения Соколова-Микитова, этот своеобразный «документ эпохи», дополняющий наше представление об одном из самых сложных периодов русской истории, вместе с тем должны рассматриваться и как органичная часть тверского литературного процесса, активно изучаемого в наше время [2; 3; 4] во всем его многообразии и на протяжении различных сменяющих друг друга эпох.

Список литературы

1. Лебедева С.Н. Проза крестьянских писателей 1920-х–1930-х годов: проблема рецепции в современном литературоведении // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2010. № 6. С. 40–46.
2. Лосева Н. В. Связь древности и современности в повести Ю.В. Красавина «Великий мост» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 303–307.
3. Николаева С.Ю. «Когда минет злоба дня и настанет будущее...»: новые книги тверских поэтов и литературный процесс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 68–81.
4. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 152 с.
5. Рождественский В. Богатство видения // Жизнь и творчество И.С. Соколова-Микитова. М.: Детская лит., 1984.
6. Соколов-Микитов И. С. Возвращение. М.: Худож. лит., 2010. 840 с.
7. Соколов-Микитов И. С. Собр. соч.: в 3 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006.
8. Соколов-Микитов И. С. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Ранние рассказы; Из неопубликованного; Воспоминания; На своей земле; Записные книжки и письма. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. 464 с.
9. Федин К. Иван Соколов-Микитов // Жизнь и творчество И. С. Соколова-Микитова. М.: Детская лит., 1984. 238 с.

“RUSSIA IS BURNING!..” ABOUT THE “RETURNED PUBLICISM” OF IVAN SOKOLOV-MIKITOV

P. S. Gromova, N. R. Kosourova

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

Works of Ivan Sokolov-Mikitov that used to be hidden for ideological reasons are introduced into scientific circulation for the first time. The researchers paid special attention to his publicism of 1917–1921. It completes the picture of military prose and Sokolov-Mikitov's works about the village and clarifies the features of his creative method in terms of using sources and working with other people's texts.

Keywords: *Sokolov-Mikitov, publicism, feature article, literature about the village, military prose.*

Об авторах:

ГРОМОВА Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного

творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: pollygromova@rambler.ru.

КОСОУРОВА Надежда Романовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nr.kosourova@gmail.com.

About the authors:

GROMOVA Polina Sergeevna – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: pollygromova@rambler.ru.

KOSOUROVA Nadezhda Romanovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: nr.kosourova@gmail.com.